

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ **И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

УДК 266.5

Г.В. ЛЕЙБНИЦ О ЗАДАЧАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ДУХОВНЫХ ОСНОВАНИЙ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕЕ ДОСТИЖЕНИЙ

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

Г.-В. Лейбниц известен как великий математик, дипломат, юрист, основатель Академии наук в Берлине. Цель статьи – пролить свет на деятельность немецкого ученого, которая связана с собиранием сведений о Китае. Изучение философии, истории, языка и обычаев этой страны, собирание китайских книг по разным отраслям знания было важной частью жизни Лейбница. Католические миссионеры, представители иезуитского ордена помогали ему реализовать план ознакомления Европы с культурой Китая.

Ключевые слова: Лейбниц Г.-В., Китай, И. Буве, миссионеры.

1. Готфрид-Вильгельм Лейбниц: спектр философских исканий и культура Китая

А.Н. Уайтхед в работе «Наука и современный мир» назвал XVII столетие веком гениев [10] и это действительно так. Бэкон, Спиноза, Декарт, Ньютон – это лишь немногие мыслители, которые обеспечили невиданный всплеск научного мышления. Лейбниц принадлежит к когорте этих великих ученых. Он был философствующим математиком. Если обратиться к истории философской мысли, то сочетание математических способностей с занятиями философией со времен Пифагора можно считать вполне традиционным. Его интерес к философии можно было бы объяснить влиянием отца – профессора нравственной философии в университете Лейпцига, – если бы не трагический факт биографии великого математика, а именно, потеря отца в шестилетнем возрасте. Скорее всего, он обладал отличными способностями, которые постепенно развивались стараниями хороших учителей и университетских преподавателей. Личное прилежание, жажда знаний, потребность обсуждения новых данных науки развили в нем со временем способность к самостоятельному критическому мышлению. Уже в возрасте 15 лет его живо интересовали системы Аристотеля и Демокрита. Написанная спустя годы «Монадология» отвергает атомистическую теорию Демокрита, очевидно, по той причине, что материалистическая теория древнегреческого философа была не способна ответить на вопрос, как атомы

– вечные первоэлементы бытия – соотносятся с феноменом конечной жизни, зарождающейся и развивающейся во времени.

Творчество Лейбница представлено не только трудами, но и обширным эпистолярным наследием. Его письма говорят, в частности, об огромном интересе, который он испытывал к изучению китайской культуры во всех ее доступных для того времени аспектах. Лейбниц активно общался с представителями ордена иезуитов, опираясь в своих суждениях о религии и философии Китая на их переводы с китайского, советуясь с ними по проблемам толкования фрагментов тех или иных сочинений. Непререкаемым авторитетом для него был отец Николай Лонгобарди, сменивший основателя миссии в Китае Маттео Риччи. В письме к Николаю Ремону Лейбниц дает свою интерпретацию религиозных воззрений китайцев, проявляя уважение к стране и обращаясь к толкованиям основных религиозно-философских понятий, которые были предложены миссионерами и им самим. Он размышляет о неизбежной субъективности интерпретаций как таковых и понимает, что с китайскими текстами может произойти то же самое, что и с работами Аристотеля: «Это так же как многочисленные толкования Аристотеля, которыми его снабжали арабы и схоласты, далеки от его настоящего смысла, которые придавали ему комментаторы греческие, и какой вновь открыли современные исследователи» [2, с. 297]. Лейбница интересует возможность интерпретации некоторых положений китайской религии в христианском ключе без осуждения основ древнего учения. Он считает, что надо подумать над тем, «каким образом можно придать ему здравый смысл» [2, с. 274]. Длительные размышления о религиозно-философских идеях Китая, вероятно, в каком-то смысле повлияли на его монадологию. Древние китайцы исповедовали принцип *предустановленного Порядка*; заметьте, что в своей Теодицее Лейбниц формулирует *принцип предустановленной гармонии*. Понятие «монада» в одном из толкований совпадает с китайским понятием «ли». Эта тема влияния китайской религии и философии на творчество Лейбница, очевидно, ждет своего исследования. А пока понятно одно: интерес к культуре Китая был довольно устойчивым и вполне отвечал амбициям ученого, но разговор о единомышленниках Лейбница в Китае и задачах исследования столь отдаленной и огромной страны хотелось бы ещё предварить небольшим экскурсом в его биографию.

Если говорить об образовании немецкого мыслителя, то следует заметить, что в университете Лейбниц изучал право, математику и философию. На всю жизнь он сохранил верность этим наукам. В 1666 г. он получил степень доктора права и впоследствии проявил себя как хороший дипломат, а политика стала для него еще одной сферой приложения способностей. Около четырех лет Лейбниц проживал в Париже как воспитатель сына барона Бойнебурга, с которым его объединял интерес к алхимии. Однако он поехал в Париж с бароном, имея собственную

цель: философ хотел убедить короля Людовика XIV начать войну с Египтом, завоевать его и поколебать власть турецкого султана в этом регионе. В те времена никто ничего не знал о сокровищах и тайнах культуры Древнего Египта; только спустя более чем сто лет Египетский поход Наполеона открыл новую страницу в исследовании этой культуры. Возникает вопрос: зачем Лейбницу нужна была война Франции с Египтом? Вероятно, он хотел отвратить взор короля от лакомых для Франции немецких земель. Попытки столкнуть французского короля с турецким султаном в Египте ни к чему не привели, и замыслам Лейбница сбыться было не суждено.

Он переселяется в Ганновер по приглашению герцога Брауншвейг-люнебургского и Ганноверского Иоанна-Фридриха и в 1676 г. становится библиотекарем и придворным советником. В 1684 г. выходит в свет научный труд, где Лейбниц излагает метод дифференциального исчисления применительно к механике, тем самым преобразуя декартовские принципы данной науки. Помимо математики и физики его интересует химия (он тщательно исследует свойства фосфора), геологические исследования, горное дело. Он продолжает работать на ниве права, а также составляет историю брауншвейгской династии.

Лейбниц участвовал в обсуждении политических и религиозных проблем. Он находился в тесном контакте с католическими богословами. Какое-то время им овладело стремление преодолеть противоречия между католицизмом и протестантизмом, и создать такое изложение христианского вероучения, которое было бы приемлемо для обеих сторон. Он трудился над этим проектом вместе с католическим богословом Спинолой, но, к сожалению, вышедший в свет труд «Systema theologicum» не нашел своих приверженцев. Грандиозный план Лейбница не реализовался. Тогда он решил осуществить более скромную задачу: добиться унии между лютеранской церковью и реформатской, но и здесь потерпел фиаско. Хочу отметить, что стремление упрочить позиции христианства было свойственно Лейбницу на протяжении всей жизни. У великого математика было много интересов и практически во всех сферах, которых он касался, он проявлял себя как истинный профессионал. Очень часто его упрекали в том, что он слишком расплывает свое внимание и не способен заниматься только математикой и физикой. Он сам часто сожалел, что на глубокие научные изыскания не хватает времени. С другой стороны, не удивительно, что именно Лейбниц возглавил Академию наук в Берлине, только человек с широким кругозором и энциклопедическими знаниями мог организовать работу столь серьезного учреждения. Академия стала его новым проектом и он возглавил ее в 1700 г. Более того, он прилагал огромные усилия, чтобы открыть подобные академии в Дрездене и Вене. Встречаясь с Петром Великим, он рассказывал ему о важности академий как центров научной мысли, и царь прислушивался к советам Лейбница, все более склоняясь к мысли реали-

зовать эту идею в России. Петр I очень ценил людей науки, а в случае с немецким мыслителем он идет дальше – производит Лейбница в тайные советники. Таким образом, желание великого математика быть ближе к сильным мира сего и влиять на их решения реализуется уже в России.

Однако такая близость не всегда бывает безопасной. Дело в том, что в 1696 г. Георг-Людвиг, сын благоволившего к Лейбницу Эрнста-Августа, вступил на английский престол под именем Георга I. Ученого не пригласили к английскому двору не только потому, что у него был конфликт с Исааком Ньютоном по поводу первенства в открытии дифференциального исчисления, но и потому, что новый король испытывал к нему личную неприязнь. В последние годы жизни вокруг немецкого математика плелись интриги, а немилость английского двора отравляла ему жизнь. Он умер в 1716 г. обиженный и одинокий.

Масштаб личности Лейбница трудно переоценить. В нем соединились великий математик, физик, историк, юрист, богослов и дипломат. Он очень интересовался иностранными языками Дальнего Востока и даже хотел создать единый всемирный язык. Вообще ему было свойственно стремление к новым знаниям и их синтезу, ему были неведомы какие-то интеллектуальные границы. В рамках данной небольшой статьи хотелось бы сосредоточиться на менее известной стороне деятельности Лейбница – на его взаимоотношениях с представителями католической миссии в Китае, куда члены иезуитского ордена были направлены с целью обращения в христианство жителей Поднебесной. Переписка ученого с главой французской миссии И. Буве – достаточно интересный материал для изучения, который демонстрирует, в частности, и попытку Лейбница направлять интеллектуальную деятельность священников. Он ставит перед ними конкретные задачи, пытается получить нужные ему сведения о стране и ее письменности, заботится о пополнении библиотеки новыми книгами по истории и философии Китая, которые пишут миссионеры, параллельно осуществляя переводы древних текстов.

2. Лейбниц и миссионеры-единомышленники

Переписка Лейбница с Иоахимом Буве (Joachim Bouvet), французским иезуитом, представителем движения фигуралистов или ицзинистов, дает представление о тех людях, которые, так или иначе, оказывались в орбите его научных интересов. Прежде всего следует сказать о роли Буве в миссионерской деятельности в Китае. Он прибыл в Китай в 1688 г. вместе с пятью священниками. Они стали первой французской группой миссионеров, посетившей этот регион, а возглавлял ее Жан дэ Фонтанэ. Академия наук Франции отправила их с конкретной научной целью: вести астрономические наблюдения для того, чтобы с большей точностью определить географическое положение различных мест, которые они посетят, а также для сбора самых разных научных фактов. Иоахим Буве и Жан Франсуа Гербилло были блестящими математика-

ми. По приезду им выпала честь обучать математике и астрономии самого императора Китая. Они совместно написали несколько математических трудов на манчжурском языке. Император высоко оценил их значение. Он повелел перевести книги на китайский язык, собственноручно написав предисловие к новому изданию. Таким образом, Буве был близок к правителю, завоевал его доверие и уважение, что очень заинтересовало Лейбница.

Буве был эмиссаром китайского императора во Франции: в 1697 г. он отправляет посланника во Францию с инструкцией прислать новых миссионеров. В дар французскому королю император передал 49 томов на китайском языке, которые до сих пор хранятся в королевской библиотеке. В качестве ответного дружественного жеста король приказал Буве преподнести императору роскошную коллекцию гравюр. Возвращение в Китай в 1698 г. было очень благоприятным. В 1700 г. император удостоил Буве титулом личного переводчика своего наследника, а спустя некоторое время повелитель выделил участок для строительства церкви и резиденции. В 1702 г. строительство было завершено [3].

Учитывая, что вышедшая на русском языке переписка датируется 1700–1703 гг., Буве прожил в Китае значительный срок, имел серьезные связи и доброе имя. Он изучал «И цзин» [11], пытался обнаружить связь между библейскими и доконфуцианскими текстами. В итоге Буве пришел к выводу, что в древние времена китайцы обладали истинной христианской верой. Следы христианских истин он пытался обнаружить в китайских классических текстах, которые были гораздо древнее Библии. Его подход не встречал единодушной поддержки в Риме, но поскольку его деятельность была весьма полезна обеим сторонам, он продолжал работать.

Переписка между Буве и Лейбницем шла неспешно. Письма передавались через третьих лиц, которые с оказией ехали либо в Поднебесную, либо возвращались оттуда в Европу. Например, Лейбниц передает свои послания через Шарля ле Гобьена (Charles le Gobien, 1653–1708), французского писателя и члена иезуитского ордена. Известно, что ле Гобьен родился в Британии, в Сан-Мало, вступил в Общество Иисуса в 1671 г., был профессором философии, а прибыл в Китай для того, чтобы через свои исследования и публикации пробудить интерес к христианизации восточной Азии. Вклад ле Гобьена в дело популяризации знаний о Китае огромен. В 1697 г. в Париже вышли в свет «Письма о прогрессе религии в Китае» [6], а в 1868 г. «История императора Китая, в пользу христианской религии: с разъяснением почестей, которые китайцы делают с Конфуцием и мертвыми» [8]. В 1700 г. он публикует «Историю новообращенных Марианских островов в христианскую религию» [7]. В 1702 г. Гобьен выпускает в свет «Письма некоторых миссионеров Общества Иисуса, написанные в Китае и Ост-Индии», которые положили начало большому архиву документов – собранию отчетов

иезуитских миссий в Китае. Речь идет о «Назидательных и любопытных письмах» [9]. Первые восемь выпусков были подготовлены им самим, а остальные – другими священниками. Все собрание составляет 36 томов. Оно выходило в Париже с 1703 по 1776 г. сериями по 12 томов. Позднее, с 1780 по 1781 г. вышло издание в виде 26 томов, а переиздания происходили в 1819 г. и далее, что говорит о серьезном интересе к Китаю. Лейбниц был прекрасно знаком как с его первыми трудами, так и лично.

Переписка между Лейбницем и Буве происходила в благоприятный период взаимоотношений Европы и Китая. И хотя «папской буллой 1633 года, допустившей для работы в Китае другие католические ордена, была ликвидирована монополия иезуитов этой сфере» [1, с. 29], позиции их были прочны. Позднее, в 1704 г. Папа Римский резко осудил подчинение иезуитов китайской власти. «В 1715 г. была обнародована новая папская булла, подтвердившая, под страхом отлучения от церкви, все предыдущие ограничения и запреты, связанные с культурной адаптацией христианства в Китае» [1, с. 39].

В переписке Лейбниц высоко оценивает миссионерскую деятельность отца Лонгобарди (1559–1654), который получил в Китае имя Long Nuamin (кит.: 龍華民), сменив Маттео Риччи в качестве верховного главы миссии. В источниках его иезуитское имя звучит по-разному, либо как Nicholas Longobardi, либо как Niccolo Longobardi. Он был родом с Сицилии.

С большим уважением Лейбниц пишет также об отце де Мальбранше (1638–1715). Он был интеллектуалом-картезианцем, интерпретировал учение Декарта в духе теоцентризма. Кроме того, Мальбранш знал китайскую философию и написал сочинение, популяризирующее идеи христианства, в форме диалога, что было свойственно конфуцианской и даосской традиций [4; 5]. Следует отметить, что последователь Мальбранша, Николя Франсуа де Ремон (1638–1725) подтолкнул Лейбница высказаться по поводу философской мысли и религии Китая на основании тех знаний, которые он получил от миссионеров, предоставлявших ему переводы китайских текстов. Это было тем более важно, что Европа практически ничего об этом не знала, а Лейбниц, как выдающийся философ и знаток христианской теологии, мог не только проводить аналогии и видеть различия, но и высказать собственное мнение по этому поводу. Лейбниц написал Ремону обширное письмо, в котором высказал свое мнение о религии Китая и проанализировал основные категории китайской философии. Тексты миссионеров – главный материал для его рассуждений, и он полностью доверяет их переводам китайских источников.

3. Лейбниц как собиратель сведений о Китае и его культуре

В письме к И. Буве от 15 февраля 1701 г. Лейбниц знакомит его не только с самыми свежими политическими новостями, но и со своим

новым изобретением – двоичной геометрической прогрессией. Если десятичная система использует 10 знаков (от 0 до 9), то для двоичной достаточно двух (0 и 1). По мнению немецкого мыслителя, она будет полезна для науки и исполнена глубокого философского смысла, «поскольку она открывает широкое поле для новых построений; и в первую голову исчисление это замечательно позволяет представить акт Творения. Потому что по этому методу все числа записываются с помощью соединения (*par le melange*) единицы и нуля – почти так, как все создания происходят исключительно из Бога и из ничего. Нет ничего [другого] в математике, что мне представлялось бы более подходящим (*plus bon*) для приложения к религии...» [2, с. 89]. Для Лейбница числа отражают природные сущности вещей. Он надеется, что Буве сообщит о его открытии двоичной системы не только китайским интеллектуалам, но и самому императору. Кроме того, очень важно донести до них истинный смысл этого открытия, цель которого «представить новое подтверждение (*confirmation*) христианской веры в отношении высокой истины (*sublime article*) Сотворения – путем обоснования, которое... будет весьма весомым для китайских философов и, возможно, для самого императора, который любит и понимает теорию чисел» [2, с. 91–92]. Существуют лишь два первопринципа: Бог есть отражение совершенств, а Ничто – несовершенств. С одной стороны, он подчеркивает полезность системы для дела упрочения позиций христианства и уверен, что математик Буве лично оценит ее. С другой стороны, со свойственным Лейбницу тщеславием, он очень хотел, чтобы император Китая, узнав об авторе системы, как-то положительно и, главное, материально отреагировал на эту новость, что позволило бы, возможно, вступить с монархом в личные отношения. Вот как он пишет: «...может быть, она (система. – *Ф.И.*) побудит этого государя (*prince*) подумать о том, чтобы поручить вам передать мне лично замечательные знания китайцев вместе с некоторыми образчиками из этой страны, в том числе, что касается состава бумаги, удивительному по своему великолепию (*grandeur*) и тонкости, а также относительно каких-либо необычайных физических экспериментов или особых секретов медицины» [2, с. 92]. Мы видим образец дипломатических поползновений с попыткой заинтересовать самого Буве, которому он, по сути, указывает, какого рода информацию следует собирать для практических нужд Европы с перспективой ее промышленного воплощения. Лейбниц говорит о том, что личных выгод не преследует, что скорее печётся о выгодах общественности. Кроме того он подчеркивает свой именно научный интерес, как председателя нового научного общества – Академии и выражает уверенность, что диалог с китайским императором может принести пользу для европейской науки. Он даже готов ради пользы дела преподнести императору щедрые дары. Ответное письмо преподобного отца, вероятно, несколько расстроило Лейбница. Буве сообщил, что он не может ничего сообщить императору.

ру, потому что тот не дает ему аудиенции. С другой стороны, изобретенная Лейбницем двоичная система не является уникальной: китайцы изобрели ее тысячелетия назад. Он особо подчеркивает важность усилий Лейбница в деле укрепления веры и отмечает: «...китайцы видели такую же аналогию, что и Вы в системе чисел, на которых основывается всякая наука; и которая ничем не отличается от Вашей таблицы чисел, которую Вы предлагаете в качестве обоснования Вашей системы счисления; после чего Вы переходите, как это делают и китайцы, от образования чисел к возникновению вещей, с сохранением той же аналогии при объяснении того и другого» [2, с. 120].

Буве ведет речь о китайской системе «гуа яо», которая содержится в китайской классической Книге Перемен, которую в Китае называют либо «Чжоу И», либо «И цзин». Она является книгой книг, содержит в себе представления о дихотомии бытия, что отражается в особой системе исходных восьми триграмм, состоящих из сочетания непрерывных черт и прерывистых, символизирующих свет и тьму, мужское и женское начала. По сути дела, непрерывная линия – это единица, а прерывистая – ноль. Это самая древняя двоичная система. Каждая из восьми триграмм имеет свое название, свойство и образ, а из различных комбинаций триграмм составляется 64 гексаграммы, символизирующие развертывание бытия как процесс трансформации и изменения всего сущего. В «И цзине» нет идеи Творца, а присутствует идея вечного изменения природы [11]. У Лейбница «0», как символ несуществующего и несовершенного, равен китайскому знаку «- -», а «1» соответствует знаку «-«. Китайскую двоичную систему называют в Китае системой Фуси – легендарного ее открывателя. Буве считает, что системе Фуси 30 000–40 000 лет. В Библии ничего не говорится о том, откуда на земле появились китайцы; относя Книгу Перемен к такой глубокой древности, Буве пытается освободить ее от китайской специфики, выдвигая весьма спорное суждение о том, что Фуси – «великий философ в облике которого нет ничего китайского, хотя этот народ почитает его в качестве творца знаний и основателя государства» [2, с. 121]. Фуси расположил 64 гексаграммы по кругу, подчеркивая их небесное происхождение. Существует также и иное расположение знаков – в виде квадрата из гексаграмм, заключенного в круг из тех же 64 гексаграмм. Буве пишет Лейбницу, что тот как бы повторно открывает китайскую систему. Он с сожалением отмечает, что данное открытие не позволит немецкому математику стяжать славу среди ученых, ибо он не первооткрыватель. Преподобный отец обращается к символике китайской «Книги обрядов», описывающей этапы Творения, где единица выступает порождающим началом и из нее появляются Небо и Земля, что соответствует цифре «2». Речь идет о первой ступени порождения природных существей, а последующие ступени отражены в символах чисел 4, 8, 16, 32, 64. У китайцев существуют понятия, в которых, по мнению Буве, есть

забытый китайцами сакральный, изначально христианский смысл. Например, в «Книге обрядов» («Ли цзи») он обнаруживает фразу, «*тай и фэнь эр гуй тянь ди*», что в переводе означает «Великое Единое, делясь на два, соединяет Небе и Землю». Однако он трактует ее иначе: «*Великое единство, или трижды великое, или, лучше сказать, триединство, ибо два иероглифа тай и заключают все эти три смысла, есть принцип Неба и Земли*» [2, с. 128].

Буве ищет истоки христианства в китайских текстах, поскольку они древнее Библии. Он полагал, что китайцы обладали когда-то знанием о Творце мира, о Троице, о грехе и наказании за него, но все забыли. Поэтому он ищет следы христианства в китайских иероглифах, как образах древней мудрости. Буве выслал Лейбницу сочинение о верованиях и ритуалах древнего Китая в конфуцианском контексте, которое было издано иезуитами в Пекине и одобрено императором Канси. Основные идеи излагались в форме катехизиса. Поразительно, как Буве интерпретирует многие факты, исходя из знаний и символики собственной культуры. Другого пути, очевидно, он не видел, а его позиция разделялась не всеми миссионерами. Лейбниц пытается поддержать его интерпретации древних китайских текстов в духе христианства: «я нахожу странным, что против отцов вашего ордена было поднято столько шума из-за того, что они писали, что древние китайцы обладали истинной религией. Что тут плохого? И даже если бы это было не так, разве это ошибка, влекущая за собой опасные последствия? Ничуть» [2, с. 178]. Здесь, конечно, Лейбниц кривит душой, потому что он прекрасно понимает, что если Буве прав, возникает вопрос о месте и роли Священного Писания в новом видении истории христианства, исходя из того факта, что до него были иные священные тексты. Непонятно, каково происхождение самих китайцев, знавших Слово Божие, но о которых нет ни слова в Библии. История Китая – циклическая, а история христианская – линейная. Как объяснить, почему они столь различны, если имеют один духовный источник? И как быть с избранным народом? Получается, что они стали избранными уже после китайцев? Лейбниц слышал о том, что в Китае якобы с незапамятных времен проживают евреи и он просит выяснить, «полный ли у них Ветхий завет древнееврейский или только Пятикнижие и Книга Иисусова (Josue), как у самаритян; и какая у них письменность... А также ставят ли они точки и ударения или нет» [2, с. 179].

Суждения Буве кажутся порой парадоксальными. Например, он совсем не считает китайцев создателями иероглифов. То он видит связь между китайской письменностью и языком Священного Писания и многими восточными языками, считая создателями китайских иероглифов первых Патриархов, то говорит о сходстве ее с египетскими иероглифами, хотя до рождения Франсуа Шампольона оставалось почти сто лет, а до дешифровки Розеттского камня и того больше. Прочитав ответное

письмо, Лейбниц просит Буве написать ему значение китайских иероглифов, которыми обозначаются числа в системе Фуся.

Переписка показывает, что Лейбниц не оставляет свои попытки воздействовать на императора Китая. В письме к Буве от 18 мая 1703 г. немецкий философ говорит о необходимости написания истории искусств Китая, чтобы познакомить с ним Европу. Без помощи китайской стороны задача становилась достаточно сложной. Нужно было как-то ее заинтересовать и побудить к реализации этого плана. Лейбниц пишет Буве следующее: «Я не сомневаюсь, что вы могли бы с легкостью (*adroitement*) заинтересовать в этих исследованиях по искусству самого императора, дав ему понять, что способ усовершенствовать искусства его страны заключается в том, чтобы дать их описания, и что таким образом можно увидеть, чего не достаёт китайцам, и пополнить это [недостающее], обратившись к европейцам» [2, с. 166]. Из данного фрагмента видно, что Лейбниц наивно полагает, что у китайцев есть ощущение несовершенства собственного искусства и потребность что-то заимствовать у европейцев: Если вспомнить, что всех иностранцев китайцы называли «черты с окраины», а собственную страну они помещали в священном центре географической карты, то слова Лейбница вызывают только улыбку. Другое дело, что он пытался добыть по собственным личным каналам для Европы как можно больше сведений о Китае, привлечь внимание к древней культуре. Он заботился о том, чтобы получить самые полные словари китайского и маньчжурского языков, которые содержат не только иероглифы-ключи, но и целые понятия. Важно, чтобы словари содержали изображения предметов китайского быта и описания их употребления. Он обращается к Буве с просьбой: «В особенности, мой досточтимейший отец, умоляю вас достать мне столь точное, сколь только можно, описание, касающееся изготовления всякого рода китайской бумаги и способов улучшения ее качества. Из чего изготовлены те ее виды, которые служат для напечатания их иероглифов?» [2, с. 167].

Лейбниц заказывает географию Татарии, просит прислать данные древних астрономических наблюдений, сделанных китайцами и новых точных наблюдений. Его интересуют солнечные затмения, что поможет точно определить координаты Пекина. Зная о том, что китайское летоисчисление начинается со времени правления Желтого императора, он запрашивает «сведения о том соединении всех планет древности, от которых один из древних императоров начал отсчитывать цикл, которым китайцы пользуются в своей хронологии» [2, с. 179]. Таким образом, мы видим, что в процессе осмысления интерпретации истории христианства в Китае, предложенной Буве, Лейбниц все же осознает необходимость решить вопрос с исторической хронологией. Главная ценность для философа – книги по математике, физике, языкознанию и географии, религиозные тексты, которые он постоянно просит присылать ему из Китая, где миссионеры занимались активной переводческой деятельностью.

Теоретические вопросы его волнуют так же, как и практические. Он пытается через миссионеров добыть сведения о способах выделки кожи, которые делают ее непроницаемой для воды и воздуха; о способах производства шелка. Ему нужна информация о самых распространенных болезнях китайцев и способах их лечения. Сам Буве с нетерпением ждал писем от немецкого философа. Он обращается к Лейбницу с просьбой «посвящать нас в открытия ваши собственные и той новой просвещенной Академии, которая начинает работать по Вашему примеру и под Вашим руководством. Это будет новым оружием, которым миссионеры воспользуются здесь, чтобы разрушить постепенно царство дьявола и установить в нем прочно оное И[исуса] Хр[иста]» [2, с. 131]. Для китайцев деятельность миссионеров не беспочвенно казалась опасной, потому что угрожала их культурным традициям. Для китайцев европейцы были «чертями с окраины», от которых ничего хорошего ждать не приходится. Для самих миссионеров Китай являлся составной частью «царства дьявола», где господствовало идолопоклонство в виде поклонения предкам, где за повседневными ритуалами не предполагалась вера в единого Бога, где язык был очень сложным, поскольку китайский язык и китайская письменность воспринимались Буве как два разных языка, что соответствует действительности. Дело в том, что можно прекрасно переводить с китайского, изучив иероглифику и полагаясь только на зрительную память, но, при этом, не умея произносить написанное вслух. Однако все эти препятствия вполне преодолимы, а культуру можно постичь, если есть высокая цель. В случае с миссионерской деятельностью духовные и практические задачи совпадали, а Лейбниц сделал все, что мог, чтобы снабдить Европу самыми новыми знаниями о Китае и его культуре. Он жил в особое время и в каком-то смысле отразил его главные черты, о которых очень точно сказал Уайтхед, говоря о рационализме эпохи и историческом ее повороте. «Применительно к религии он (исторический поворот. – *Ф.И.*) означал возврат к истокам христианства, а в науке это было связано с призывом к использованию эксперимента и индуктивного способа рассуждения» [10, с. 95]. Жизнь и деятельность Лейбница является прекрасной иллюстрацией правоты этих слов.

Список литературы

1. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
2. Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: ИФ РАН, 2005. 404 с.
3. Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература, 2002. 446 с.

4. Мальбранш Н. Беседа христианского философа с философом китайским о бытии и природе Божества / пер. М.Н. Ершова. Казань: Центр. тип., 1914. 47 с.
5. Мальбранш Н. Разыскания истины / пер.с франц. и вступ. ст. Е.Б. Смеловой. 2 изд. СПб.: Наука, 1999. 651 с.
6. Gobien le Ch. Lettre sur les progresz de la religion à la Chine, a monsieur l'Abbe de. [Электронный ресурс]. URL: https://play.google.com/store/books/details/Lettre_sur_les_progrez_de_la_religion_a_la_Chine_a?id=YilkAAAАсAAJ&hl=ru (дата обращения: 03.01.2020).
7. Gobien C.Le C.L.Le Histoire des Isles Mariannes nouvellement converties à la religion chrétienne. [Электронный ресурс]. URL: https://play.google.com/store/books/details/Histoire_des_isles_Marianes_nouvellement_convertie?id=RexTvHiKNWIC&hl=lt (дата обращения: 03.01.2020).
8. Gobien C.Le C.L.Le Histoire De L'edit De L'empereur De La Chine, En Faveur De La Religion Chrestienne: Avec Un Eclaircissement Sur Les Honneurs Que Les Chinois Rendent À Confucius & Aux Morts / Paris: Chez Jean Anisson, Directeur de l'Imprimerie royale ...1698). [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.at/books?id=AmG1bdNrCY8C&printsec=frontcover&hl=de#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 03.01.2020).
9. Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères. [Collected by Charles le Gobien, J.-B. Du Halde, N. Maréchal, Louis Patouillet, Yves Mathurin Marie Tréandet de Querbeuf.] Paris: N. Leclerc 1707–1776. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/lettresedifiante17bibl/page/n6> (дата обращения: 03.01.2020).
10. Уайтхед А. Избр. работы по философии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 717 с.
11. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 606 с.

G.-W. LEIBNIZ ON THE TASKS OF STUDYING THE SPIRITUAL FOUNDATIONS OF CHINESE CIVILIZATION AND ITS ACHIEVEMENTS

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

G.-W. Leibniz is known as a great mathematician, diplomat, lawyer, founder of the Academy of Sciences in Berlin. The purpose of the article is to shed light on the activities of German scientist that are associated with collecting new scientific facts and knowledge about China. The study of philosophy, history, languages, and customs of this country, gathering of Chinese books in various fields of knowledge and publications about China became an im-

portant part of Leibniz's life. Catholic missionaries, representatives of the Jesuit order helped him to implement the plan to acquaint Europe with Chinese culture.

Keywords: *Leibniz, China, J. Bouvet, missionaries.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD, Assoc. Professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru